

«Русская мысль» — № 4251 — 24—30 декабря 1998 г.
Париж

ТО ВЫСТАВОЧНЫМ ЗАЛА

Даль свободного романа

10 ноября в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С.Пушкина открылась выставка, посвященная «Евгению Онегину»

Предание гласит: когда маленький мальчик Саша Пушкин только научившись ходить, переступил порог гостиной, кто-то из взрослых воскликнул: "Вот он, XIX век!" Вот ныне, за два года и один месяц до наступления пугающего своей неизвестностью XXI века, в Москве, в музее, носящем имя Пушкина, открылась выставка, посвященная "Евгению Онегину". "9 мая", "28 мая ночью" — эти даты Пушкин поставил в 1823 году перед первой строфой черновика "Евгения Онегина". 26 мая ему исполнилось 24 года. А 26 сентября 1830 года в Болдино Пушкин считает: 7 лет, 4 месяца, 17 дней — столько прошло от начала работы над романом до его завершения. Жить поэту оставалось неполных семь лет...

Ковровая дорожка, устилающая знаменитую парадную лестницу музея, уставленная раскрашенными в полоску столбиками — они словно верстовые столбы на дорогах. Посредине дорожки — деревянные ямки, словно занесенные сюда выюгой с застуженных улиц Москвы начала XIX века. Склонившись к муляжу огромной орденской звезды на расшитом золотом офицерском зеленом с красным мундире, краяющий выставку постовой говорит другому: "Да, вот это я уважаю!"

Вот сценки из московской жизни, запечатленные художниками — современниками поэта. До сих пор специалисты не пришли к единому мнению, где же находится дом, где родился Пушкин. В обзорную экскурсию по Москве это место не входит — отличие от Воробьевых гор и Белого дома...

Помню, будучи школьником, я получил задание выучить хрестоматийные строки: "Москва! Как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось!..." — и почувствовал, что здесь что-то не так. Пушкин сразу переходит к описанию хотя и славного, но все же второстепенного московского памятника — "Петровского замка" — просто потому, что он первым стоит на пути возка семейства Лариных. Много позже, когда я взял в руки черновик VII главы "Онегина", то нашел там и "Царь-пушку", и "Иван великий заблестал, / И Кремль главами золотыми"...

"Онегин, добрый мой приятель, / Родился на берегах Невы"... Облик центральных площадей и набережных Петербурга почти не изменился с пушкинских времен. Но что это за странные сооружения на Театральной площади, похожие на античные кумирни с жертвенными возкурениями? Это грелки для кучеров. "И кучера вокруг огней / Бранят господ и бьют в ладони". Меткая пушкинская находка: пока господа бьют в ладони, приветствуя артистов, кучера бьют в ладони, спасаясь от холода. Того театра, где Онегин и Пушкин аплодировали Истоминой, давно уже нет...

В музейных витринах демонстрируются вещи, позволяющие представить воплощенную в пушкинском слове "энциклопедию русской жизни". Вот белое, вышитое крепостными мастерицами платье. Рядом пара расшитых цветным шелком изящных туфель. Читаем у Набокова: "Пушкин с эротической нежностью описывает потерю Татьяной туфельки в снегу ее сновидения"... И рядом — круг чтения Татьяны: Руссо, Грандисон и хваленый легендарный Мартын Задека — "Новейшая гадательная книга"... Мне кажется, что здесь уместнее был бы не целехонький экземпляр, да еще с библиотечным шифром на видном месте, а истрепанный нежными девичьими пальчиками... Я недавно видел такой в "Доме книги" на Новом Арбате.

Вот витрина с тоненькими книжечками в бумажных обложках — "Онегин" издавался по главам. На одной из них — поблекший от времени автограф поэта... А в другой витрине, рядом с сентиментальными дамскими альбомчиками, — списки "Онегина", переписанные от руки. Спросите: зачем? Это ведь не полузавершенное "Горе от ума" и даже не "Опасный сосед" Василия Львовича Пушкина, дядюшки поэта. Из любви к "Онегину"! Сейчас трудно

представить, что над ним плакали, что при чтении главы о смерти Ленского падали в обморок. Да и наслаждение самим процессом письма каллиграфическим почерком — это ведь почти то же, что вышивать шелком или подбирать узоры бисером...

Несколько посетителей склонились над витриной, в которой выставлены подлинные письма друзей поэта, восторгавшихся "Онегиным", — Дмитриева, Жуковского, Рылеева... И среди них — холодная казенная бумага за номером 945. Имя адресата не в верхнем углу, как сейчас принято, а внизу. Это — от шефа жандармов Бенкендорфа. Суровый, безжалостный слог: "Государь Император повелел мне сообщить вам, милостивый государь, что он с большим удовольствием читал VI главу «Евгения Онегина»".

Размышления над пушкинской строкой — в иллюстрациях к "Евгению Онегину", выполненных И.Репиным, К.Коровиным, Н.Кузьминым. И это лишь наиболее известные из художников, вдохновленных пушкинским гением!

Завершает выставку зал, посвященный опере Чайковского "Евгений Онегин". Здесь письма композитора, партитура с автографом Чайковского. Любопытна фотография 1887 г.: цесаревич Николай (будущий император Николай II) в роли Онегина и великая княгиня Елизавета Федоровна в роли Татьяны на придворном спектакле к 50-летию со дня смерти поэта. А вот памятник совсем иной эпохи — сводная афиша спектаклей Большого театра 10-18 февраля 1937 года — столетия со дня гибели поэта.

В наши дни, когда зарплата музейщика, хранителя бесценных сокровищ, подчас на два порядка ниже, чем оклад служащего банка "презренного металла" (хотя, как показали последние события, и эти последние не так уж неуязвимы), когда современная Татьяна пишет не "заветный вензель О да Е", а "заветные" буквы "у.е." — стыдливое обозначение долларов, когда цифры "17,99 — 18,37" означают курс покупки и продажи вышеозначенной "условной единицы" и, наконец, когда сам Пушкин (воскресни он теперь) со своею экзотической внешностью, может быть, неуютно чувствовал бы себя на улицах Москвы, — выставка, посвященная пушкинскому "Онегину", дает нам возможность погрузиться в атмосферу первой трети XIX столетия и заново прочесть строки романа.

СЕРГЕЙ ЛОСЕВ

Москва